

Ма Синь онемел. Дань Чао, прижимая к себе женщину, взлетел на лошадь, и на мгновение его спина оказалась полностью открыта. Но прежде чем стража успела воспользоваться моментом, чтобы выпустить стрелы, он изо всех сил ударил ногой в живот лошади и крикнул:

— Но!

* * *

— Тпру-у-у!

Конское ржание донеслось до цветочного павильона. Юйвэнь Ху поставил чашку с чаем и поднял голову с подозрением:

— Кто смеет скакать на лошади в доме Се?

— Должно быть, братья стражи играют в поло на тренировочном поле, — служанка в розовом платье, сидевшая ниже его, отложила конхоу и лукаво улыбнулась. — Генерал, не обращайтесь внимания, может, послушаете, как я сыграю еще одну мелодию «Девяти станков»?

— ... А где ваш командующий?

— Командующий во внутреннем кабинете принимает лекарство, скоро выйдет, генерал, прошу прощения.

Во внутреннем кабинете молодой человек в парчовом халате с белым узором отложил тушь, кисти, шкатулку для грима и прочее, поправил маску и улыбнулся своему отражению в медном тазу с водой.

Изгиб губ казался неправильным. Он закрыл глаза, откорректировал, затем снова открыл и слегка приподнял уголки рта.

Теперь похоже.

Довольный, он кивнул и жестом показал доверенным лицам вокруг, что готов, затем встал и вышел за дверь.

Цветочный павильон. Юйвэнь Ху, видя вокруг благовония, туман и толпу неземных красавиц, очаровательно улыбающихся служанок, прекрасных как цветы и яшма, почувствовал внутреннее раздражение.

За два года, что Се Юнь занимал пост командующего внутренней императорской стражей, он становился все более жестоким и беспощадным, действовал все более вызывающе, и, говорят, в частной жизни был довольно распутным, о чем неудобно говорить посторонним. Хотя это были лишь столичные слухи, но судя по комнате, полной красивых служанок, возможно, дыма без огня не бывает.

— Я, генерал, пойду прогуляюсь, — Юйвэнь Ху вздохнул и поднялся. — Позовите меня, когда ваш командующий выйдет.

Неожиданно в следующее мгновение служанка резко встала:

— Генерал, ни в коем случае, прошу остаться!

— Хм?

Служанки замялись, не зная, что сказать. Юйвэнь Ху отреагировал с остротой:

— Что вы задумали?

Как раз в этот момент снаружи цветочного павильона снова донеслось конское ржание, а затем послышался непрерывный свист — явственно звук рассекающих воздух острых стрел.

Лицо Юйвэнь Ху мгновенно изменилось, он оттолкнул служанку:

— Прочь!

Служанка никак не могла остановить этого опытного в битвах генерала знатного рода. Перед ее глазами лишь промелькнула черная тень, словно ураган, и Юйвэнь Ху уже выскочил из цветочного павильона. Стражи, скрывавшиеся за резными воротами, тоже не успели преградить путь, лишь беспомощно наблюдали, как генерал Юйвэнь Ху вырвался из внутреннего двора, прошел через лунные ворота, а затем замер как вкопанный у входа в передний двор перед главным залом.

Он увидел, как великолепный вороной конь пронесся по воздуху. На спине коня Дань Чао одной рукой держал поводья, другой выхватил меч, развернулся и нанес удар в воздухе.

Меч Цисин Лунъюань издал пронзительный свист, молниеносно разрубив несколько летящих сзади стрел!

Острие меча было острым, как луна, и отразило другого человека, сидевшего на лошади.

Тот человек прильнул к спине коня, собранные в пучок длинные волосы рассыпались, развеваясь вместе с белыми шелковыми одеждами на ветру.

В это время ночь только спускалась, во дворе зажгли факелы, и их свет, упавший на безупречный профиль того человека, был подобен огню, пылающему на белой яшме.

Юйвэнь Ху мгновенно узнал его, и в его голове осталось лишь одно чувство — недоверие.

В следующее мгновение тот человек повернул взгляд, и за долю секунды их глаза встретились в воздухе и тут же разошлись.

— ... Люди! Коня! — Юйвэнь Ху чуть не взбесился. — Остановите того монаха, быстро!

С другой стороны Ма Синь, увидев, что Юйвэнь Ху выбежал, тут же отчаянно зажмурился, выражение его лица было невыносимым.

— Иди сюда, — он поманил доверенного и тихо приказал. — Иди в кабинет, скажи стражам теней временно спрятаться, ни в коем случае не сталкивайся сейчас с генералом Юйвэнем, этот господин действительно бывал на войне и убивал людей...

Тем временем Дань Чао погнал лошадь к воротам дома Се, в ночи он был подобен черной молнии. Все, кто стоял на пути, либо вынуждены были отпрыгнуть, либо были сметены копытами. Позади на земле валялись обломки стрел, разбросанные в беспорядке, буквально устилая дорогу.

Видя, что тот действительно может вырваться, Юйвэнь Ху тоже не мог больше сдерживаться, набрал ци и прыгнул, легким касанием оттолкнувшись от стены двора — он долго служил на границе, у него была закаленная в северных землях грубая сила, к тому же он был гораздо

выше обычных людей, даже чуть выше самого Дань Чао. Но этот прыжок был подобен полету антилопы, не оставляя следов, что свидетельствовало о глубине его мастерства в цигуне.

В воздухе его фигура была подобна призраку, он налетел на спину коня и резко выхватил меч из ножен!

— От — пу — сти — !

Дань Чао обернулся, его зрачки слегка сузились, но сейчас было уже поздно.

Свет меча и убийственная аура обрушились как лавина, в мгновение ока достигнув его лица, даже мышцы на лице почувствовали колющую боль.

Естественной реакцией любого в такой момент было бы уклониться, но он знал, что не может. У него на руках был человек, если он уклонится сейчас, непременно подставит девушку, и под этим ударом у нее не будет шансов выжить!

Дань Чао мгновенно стиснул зубы, и в это мгновение мужественное лицо молодого человека в отблесках огня и лезвия меча обрело глубину и твердость, словно высеченные в камне.

Он развернул верхнюю часть тела, почти скрутившись всем корпусом, и двумя руками, держа меч, встретил лезвие.

Лязг!

Мощь поясницы и сила рук в этом ударе были ужасающими. В момент, когда клинок встретил лезвие меча, в точке соприкосновения металлов вспыхнули бесчисленные искры!

Юйвэнь Ху испытал шок, длинный меч вырвался из его рук и, вращаясь в переплетении ночи и огня, с глухим стуком «Тук!» вонзился в трехчиковую толстую синюю кирпичную стену двора вдали!

Двенадцать лет.

Юйвэнь Ху скакал по полям сражений двенадцать лет, и впервые в жизни его обезоружили одним ударом.

В это мгновение в его сердце вспыхнуло не только недоверие, но и глубокое, невыразимое... унижение.

— Я сказал отпусти, слышишь?

Юйвэнь Ху взревел, взрывной удар, в его ладони мелькнуло красное сияние — он использовал всю накопленную за жизнь истинную ци тигриного рева!

Дань Чао приподнял брови, правой рукой отвел меч, левой ладонью яростно встретил удар, и в тот же миг раздался оглушительный — Бум!

Если бы кто-то находился в трех шагах, он наверняка услышал бы содержащийся в столкновении огромных энергий безбрежный, далекий драконий рев.

Затем внутренняя сила Юйвэнь Ху хлынула обратно, все внутренности были разбиты, и с хлынувшим изо рта потоком крови его отбросило назад!

С оглушительным грохотом Юйвэнь Ху рухнул на землю, всем телом изо всех сил упираясь коленями, едва сумев остановить стремительное скольжение назад.

Он тяжело дышал, резко поднял взгляд и увидел, как вороной конь пронесется мимо, а человек на его спине обернулся и с улыбкой посмотрел на Дань Чао.

Эта улыбка была легкой, но глубина ее была огромна; словно из сердца, из глубины глаз невозможно было скрыть, словно сокровище из драгоценностей и яшмы наконец не смогло удержаться и сверкнуло ослепительным и греховным светом из бездонного ущелья.

Затем взгляд того человека снова упал на Юйвэнь Ху.

Это был всего лишь мимолетный взгляд, любой другой счел бы его мгновенной иллюзией.

Но Юйвэнь Ху знал, что это не так.

В этом взгляде была переполняющая злоба.

Холодная, порочная, подобная ядовитой змее, насыщенная и яркая злоба.

Впервые он увидел эти глаза семь лет назад, во дворце Циннин. В том году он только получил военную власть и сразу же подвергся покушению; хотя чудом остался жив, но все же был тяжело ранен. Четыре великих семейства совместно обвинили императрицу У, и император, услышав, разгневался, вызвал императрицу для очной ставки. Но императрица, столкнувшись с железными доказательствами, все же всячески отрицала и отказывалась признавать.

Как раз когда император в ярости был готов лишить ее титула, молодой стражник-тень рядом с императрицей У внезапно опустился на колени и сказал:

— Этот низкий чиновник признает себя виновным. На самом деле императрица не при чем, это низкий чиновник совершил покушение на генерала Юйвэнь Ху.

Тогда все были потрясены, император не поверил и спросил:

— Зачем ты покусился на Юйвэнь Ху?

Юноша поднял голову, при всех снял маску и спокойно сказал при всеобщем изумлении:

— В ту ночь генерал Юйвэнь Ху был пьян, по ошибке принял низкого чиновника за женщину и попытался надругаться; низкий чиновник, будучи оскорбленным, в порыве гнева нанес ранение.

— Если генерал не может простить, низкий чиновник готов жизнью заплатить за пределами ворот У, прошу генерала простить вину.

Сказав это, он повернулся к Юйвэнь Ху, склонился и долго бил челом.

Тот смертельный конфликт сил в итоге превратился в фарс, закончившись невероятной неловкостью и двусмысленностью.

После этого никто больше не вспоминал о том, что произошло в тот день во дворце Циннин, в ежедневных коварных и непредсказуемых ветрах перемен в императорском городе Великой Тан это быстро было намеренно, по молчаливому согласию, забыто всеми.

Но Юйвэнь Ху не мог забыть тот взгляд, который юноша бросил на него после того, как закончил бить челом и поднялся.

Подобно свету лезвия, особо прекрасному от пропитки ядом, сверкающему откровенной, соблазнительной и злобной порочностью.

Передний двор дома Се.

Се Юнь, встретившись взглядом с Юйвэнь Ху, с улыбкой отвел взгляд. В следующее мгновение Дань Чао погнал лошадь вперед, острие меча больше не встречало преград, и они, словно острая стрела, живыми вырвались из дома Се!

Одинокий город на границе, утренняя звезда, убывающая луна.

<http://bllate.org/book/15578/1387065>